

Движущийся сноп света рассек темноту, почему-то сильно напугав ее. Звякнули приготовленные заранее ключи, и сердце замерло, сжавшись в ледяной кулачок и мешая дышать. Во двор въехала машина и, расплескивая лужи, проползла к соседнему подъезду.

Ничего страшного, просто какие-то запоздалые соседи вернулись домой.

Она знала, свет в подъезде горел только начиная с третьего этажа, а взбираться предстояло на пятый. И лифт, как всегда, не работал.

Повздыхав около двери в могильную черноту подъезда, она решила, что нет ничего глупее, чем стоять во втором часу ночи, можно сказать, в двух шагах от собственной спасительной двери и бояться сделать эти два шага.

Надо себя заставлять, вспомнилось ей из какого-то анекдота.

Она открыла дверь, шагнула раз, другой и нащупала холодные ночные перила, наводящие на мысль о маньяках-убийцах, подстерегающих в темноте невинных барышень. Впрочем, невинные барышни не работают до двух часов ночи, тут же уточнила она.

С площадки первого этажа она оглянулась. Теперь казалось, что на улице гораздо светлее, чем в подъезде. Ей стало неприятно: со следующего пролета она уже не увидит прямоугольник входной двери, слабо сочащийся уличным светом.

И от зажигалки никакого толку. Горячий дрожащий

язычок освещал только руку, делая окружающий мрак еще более непроглядным. Чтобы не затягивать путешествие, она спрятала зажигалку в карман и понеслась вверх по лестнице. В конце концов, где-то там, на третьем этаже, горел свет...

Ее ударили, когда до света осталось добежать совсем немного. Ударили вполне профессионально — она не слышала ни шагов, ни шума, ни даже вздоха. Она свалилась лицом вперед, стукнувшись головой о ступеньки, как кукла.

Человек, ударивший ее, был мастером своего дела. Он быстро посветил фонариком, убедился, что женщина жива, и, достав нож, слегка полоснул ее по щеке и еще раз — по уху. Чуть слышно звякнула серьга.

Затем он убрал нож и стал неторопливо спускаться вниз, где его ждала машина.

Комната была какая-то странная — очень знакомая и все-таки чужая. И люди в ней были смутно знакомые. Кажется, один из них — ее муж. А остальные кто?

Чудно все выглядело: то ли нарушение пропорций, то ли искривление пространства...

Ну да, конечно! Это от того, что она смотрит на них сверху. И не с потолка даже, а с какой-то небывалой высоты.

И эта женщина на диване, с залитым кровью лицом, — я. И комната — моя собственная. Со мной что-то случилось, и, кажется, совсем недавно.

Почему они так суетятся, если со мной все в порядке и я их отлично вижу и слышу? И почему такое бледное и потерянное лицо у человека, который вроде бы мой муж?

Нужно его успокоить. Разве он не видит, что с ней все хорошо?

Она сделала попытку шевельнуться, и стала вдруг стремительно падать со своей высоты прямо в эту ком-

нату, полную людей и острого запаха беды — валокордина, нашатыря и белых халатов.

И это падение было гораздо страшнее того, что произошло с ней до этого.

Скорость падения все увеличивалась, и в последнее мгновение она увидела прямо перед собой собственное лицо с разрезанной щекой и синевой вокруг рта и глаз.

Я не хочу обратно в нее, молнией сверкнула мысль.

Я боюсь! Там темно и страшно.

И сразу навалилась боль, тупая, унижительная, мерзкая...

Она застонала, хватая за руки того человека, которому собиралась сказать, что с ней все хорошо.

— Вернулась... — отчетливо проговорил кто-то у нее над головой, и больше она ничего не видела и не чувствовала.

Пятью месяцами раньше

Французик, из-за которого Вика и затеяла все представление, был так себе, ничего особенного. Да и взглянуть его толком не удалось — гостей было великое множество, и французик в них потерялся, как воробей в курятнике, хотя Вика исправно подводила к нему знакомить всех вновь прибывающих.

Для Александры он перестал существовать, как только она поняла, что он меньше ее ростом.

Мужчин, которые были ниже ее, она просто не замечала. Слишком долго она проторчала у стенки на школьных и институтских дискотеках, где все потенциальные кавалеры доставали ей как раз до плеча, слишком свежи были в памяти многочисленные дурацкие прозвища, которыми ее начали награждать еще в детском саду, слишком долго она пробыла неизменной «правофланговой» на всех без исключения школьных спортивных мероприятиях, чтобы сейчас тратить жизнь на всяких низко-

рослых недоумков. Теперь, когда у нее есть Андрей, ей в высшей степени наплевать, какое впечатление она производит на всех остальных.

Ее позвали оценить заграничное Викино приобретение — французского журналиста, приехавшего творить в Москву. Она оценила — не слишком высоко. Теперь оставалось со спокойной душой поесть и дожидаться Андрея.

Стоя в углу, она жевала бутерброд с тоненьким ломтиком вкусной белой рыбки и хрюкала от удовольствия.

За день она устала, набегалась, дважды промочила ноги, поругалась с оператором, чуть не опоздала с сюжетом к эфиру и получила выговор от желчного Михаила Андреевича, выпускающего редактора.

«С вашей организованностью, Саша, — сказал Михаил Андреевич, возвращая ей подписанный текст репортажа, — только на складе утильсырья работать».

И ни о чем не захотел слушать. Ни о «пробках», ни об операторе, решившем именно сегодня помотать ей нервы, ни об опоздании политика, у которого она брала интервью.

Ну и ладно, день прошел — и слава богу, следующий будет лучше. В это Александра верила свято. Самое главное — сейчас приедет Андрей и можно будет тихонечко убраться восвояси.

Взяв еще один бутерброд, Александра перехватила тоскующий взгляд Димы Тимофеева, собственного корреспондента «Вестей» в Багдаде, который толковал о чем-то с Викой, и бегло ему улыбнулась. Димка закатил глаза и поднял брови, выражая отчаяние, но Александра спасать его не собиралась. Она слишком устала, неохота ввязываться в Викины светские беседы. Прилаживая бутерброд, чтобы половчее откусить, она осторожно повернулась в сторону балкона, где было не таклюдно, и нос к носу столкнулась с французом.

— Пардон, — пробормотал он и вежливо посторонился. Рядом с ним Александра чувствовала себя слонихой.

— Ничего, — лучезарно улыбнулась она с высоты своего роста.

Весь он был какой-то невзрачный. На худом загорелом лице — очки, одет то ли бедно, то ли непривычно для русского глаза — темный свитер, темные джинсы, нелепая жилетка. И — господи, спаси и помилуй! — волосы собраны сзади в короткий хвост.

Он тоже улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной.

— Я, наверное, за всю жизнь столько не знакомился, сколько за сегодняшний вечер, — сказал он Александре по-русски. — И никого не запомнил.

Очень удивленная, Александра замерла с бутербродом в руках — со всегдашней своей неловкостью, за которую ее так ругал Андрей, она даже не догадалась пристроить его на тарелку. Знакомясь, французик пробормотал что-то вроде «Нотр-дам, норсульфазол...», то есть изъяснялся явно по-своему, по-иностранному, это она точно запомнила. А теперь вдруг — на великом и могучем...

— Вы говорите по-русски? — с изрядным опозданием удивилась она.

— Говорю, — подтвердил он. — Как у каждого или почти каждого порядочного француза, у меня имеется русская бабушка вполне княжеского рода. Учить русский язык в семье считалось хорошим тоном.

— Надо же! — искренне восхитилась Александра — чуть ли не впервые в ее журналистской практике ей попался иностранец, говорящий по-русски.

Он учтиво стоял рядом, и было непонятно, что ей теперь делать — протиснуться мимо него вместе со своим бутербродом к окну или завязать с ним легкую и приятную беседу. Места между столом и французом было мало, поэтому Александра выбрала беседу, проклиная на чем свет стоит Вику, флиртующую с Димкой. Пусть бы сама развлекала своего француза — она, Александра, светскими талантами никогда не блистала.

— Вы впервые в Москве? — поинтересовалась она со всей непринужденностью, на которую только была способна. Должно быть, со стороны они выглядели забавно — изящный француз и она, зажавшая бутерброд в горсти, как последнюю гранату.

— Родители привозили лет тридцать назад. Я помню все очень смутно, — ответил он и опять улыбнулся смущавшей ее улыбкой. — Сейчас многое в Москве изменилось, верно?

Пожалуй, акцент в его речи все-таки был. Вернее, даже не акцент, а легкий намек на него, некая приятная неправильность интонации, которую трудно сразу уловить. Да, а как же его зовут? Она не собиралась с ним разговаривать и была уверена, что его имя ей не понадобится, поэтому плохо слушала Вику, когда та представляла их друг другу. И что теперь делать? Спросить? Или обойтись предложениями без обращения?

— Прошу прощения, — сказала Александра несколько смущенно, — но я не запомнила вашего имени. Меня зовут Александра Потапова. Я журналистка. Работаю корреспондентом в «Новостях» на первом телевизионном канале. — До сих пор, представляясь, она испытывала прилив жгучей гордости. — А вы?

— Меня зовут Филипп Бовэ, — ответил француз, ничуть не смущенный нарушением этикета: наверное, он сам разбирался в нем не слишком хорошо. — Я приехал в Россию писать книгу. Пробуду здесь, возможно, около года.

— Вы журналист? — спросила Александра. В то, что он знаменитый писатель, она как-то не очень поверила.

— Не совсем журналист, — ответил он, подумав. — Когда-то хотел быть журналистом. Но так им и не стал. Появились... другие дела.

Понимающе кивая, Александра думала о том, как бы повежливее отойти от него. Конечно, она уже не школьница-переросток, а вполне зрелая женщина с надежно упрятанными комплексами, но все-таки возвышаться

над ним — маленькое удовольствие. Хотя он был не на много ниже, сантиметра на три, пожалуй... Но и три сантиметра ее нервировали.

— Кажется, я не даю вам есть, — догадался француз.

— Я сегодня очень устала, — доверительно сообщила ему Александра, с сожалением рассматривая рыбу на прозрачном ломтике свежего хлеба: откусить при нем она не решалась. — Пятница — самый трудный день. Обязательно произойдет что-нибудь непредвиденное. Перед выходными все стараются как следует накачать народ, чтоб никто, не дай бог, не забыл, в какое ужасное время мы живем...

— Накачать? — переспросил он недоуменно.

Александра засмеялась.

— Ну, вывалить очередную кучу чернухи, — пояснила она весело.

— Ага. Чернухи, — сказал француз и тоже засмеялся. — К сожалению, я знаю только классический русский язык, и мне иногда трудно с пониманием.

— Ничего. Если вы собираетесь писать о нас книгу и будете собирать материал, от вашего классического русского не останется и следа, — пообещала ему Александра. — Будете говорить, как все сейчас говорят.

— Вы меня утешаете, — пробормотал Филипп.

Девушка ему нравилась, и говорить с ней было приятно. По крайней мере, она не смотрела ему в лицо завораживающим взглядом и не старалась поразить его воображение неземной красотой или потрясающим интеллектом.

Чуть ли не весь вечер он старательно придурился, что ни слова не понимает по-русски, и вот — на тебе! — разговорился с какой-то случайной девицей, неизвестно как попавшей на эту вечеринку восходящих звезд и почти знаменитостей.

Она была высокой — вровень с ним или даже чуть выше — и крупной. Аристократической худосочности в ней не было и в помине. Длинные ноги, сильная шея,

нежная кожа, очень короткие волосы. Филиппу этот короткий блестящий «ежик» просто не давал покоя — так хотелось его потрогать. С чего бы?

— Пойдемте на балкон, а? — не выдержала Александра. — Там никого нет, и можно покурить. Вы курите?

— Курю, конечно, — сказал Филипп и как привязанный пошел за ней, разглядывая ее шею с оставленным завитком темных волос.

— Я только возьму еще бутерброд, — извиняющимся тоном сказала она. — А вы не хотите?

Филипп с удовольствием выпил бы кофе, да и не мешало бы также сделать пару звонков, однако придется выждать еще с полчаса — уехать сейчас просто неприлично.

Оказавшись на балконе, Александра заметно расслабилась. Здесь было темно и прохладно — из приоткрытой рамы тянуло осенней сыростью, пахло дождем и автомобильными выхлопами. Шум вечеринки заметно стих, но дверь, в которую должен был войти Андрей, просматривалась отсюда очень хорошо, так что она его не пропустит.

— Принести вам кофе? — спросил француз, про которого Александра совсем забыла.

— Да, если можно, — благодарно сказала она — кофе ей очень хотелось.

Глядя, как француз пробирается между гостями к столу с напитками, Александра внезапно его пожалела. Бедняга, все его бросили. Даже Вика. Он же не виноват, что не похож на Алена Делона и вообще сильно отличается от стандартного французского очаровашки, созданного русским женским воображением. Ни шарма, ни обаяния, ни пресловутой элегантности. Зачем он понадобился Вике?

Конечно, не всем удастся заполучить на вечеринку настоящего француза, а Вике удалось. Может, в этом все дело? Теперь все увидели, что француз действительно

был, и больше он ей не нужен. А может, он чей-то приятель? Или друг?

— Молока не было, — сообщил француз, возникая на пороге. — Сахар я захватил.

— Спасибо, — прочувствованно сказала Александра. — Где-то здесь была пепельница.

Они закурили, глубокомысленно глядя за окно, в черную осеннюю московскую ночь.

— Вы в «Останкине» уже были? — Александра съела свои бутерброды, утолив сосущий голод в пустом желудке, а кофе и сигарета настраивали ее на благодушный лад.

— Нет, — ответил француз. — Меня приглашал господин Митрофанов, продюсер программы... — Было видно, что он силился вспомнить, какой именно.

— «После бритья», — подсказала Александра. — Это хорошая утренняя программа. Кирилл Митрофанов в наших кругах человек известный.

— Я с удовольствием посмотрю ваш телецентр, хотя ничего не понимаю в телевидении. Должно быть, это интересно. Верно?

— Ужасно интересно, — воодушевилась Александра. — Я работаю уже три года, начинала ассистентом режиссера в одной крошечной программке, а сейчас — в девятичасовых «Новостях» на первом канале.

Она явно гордилась своими успехами, эта странная девица, неловко жавшаяся в тень балкона. С ее внешностью могла бы носить себя с большей уверенностью. Такая не потеряется в любой толпе, подумал Филипп. Мимо нее никто не пройдет равнодушно. А она, похоже, себя стесняется.

— Вот вы где спрятались! — раздался вдруг торжествующий возглас хозяйки дома, и появилась Вика, таща за собой упирающуюся красавицу с длинной гривой платиновых волос и в облегающих кожаных джинсах.

Едва взглянув на эти джинсы, Филипп моментально понял, что последует дальше. Ему стало смешно.

— Это ты утащила от нас Филиппа? — Вика с дружеским укором погрозила Александре пальцем. — Он не может принадлежать только тебе. Есть и другие!

На балконе сразу стало душно от смешанного запаха экзотических духов, спиртного и сигарет. Александра съезжилась на стуле, мечтая поскорее убраться отсюда и зная: стоит ей только встать, и все сразу увидят, какая она огромная. Как лошадь. И эта вобла с белыми волосами тоже увидит.

— Филипп, это моя подруга Лена, — сообщила Вика с дружелюбнейшей из улыбок, продолжая держать платиноволосую за руку. — Познакомься с моей подругой Элен, — с трудом выговорила она по-английски.

Филипп залопотал что-то, смешивая английские и французские слова, и Александра взглянула на него с веселым изумлением. Он явно делал вид, что ничего не понимает.

— Да, да, — надрывалась Вика на своем английском. — Это моя лучшая подруга Элен. Она... — Вика повернулась к Александре: — Как сказать: «актриса»?

Александра подсказала нужное слово.

— Да, конечно, actress, — повторила Вика. И снова залопотала по-английски: — She is a very good actress. Last year... last year... Шурочка, скажи ему, пожалуйста, что в прошлом году ее приглашали на Бродвей!

Никто и никогда не называл Александру Шурой. Кроме Вики.

— Да ну его, Вик, пошли лучше к ребятам, — заскулила платиноволосая. — На что он тебе сдался? Плюнуть некуда...

Александре стало неловко:

— Last year, — быстро начала она, пока разговор двух задушевных подруг не зашел слишком далеко, — Helen was invited to visit New York and to take part in one of the Broadway shows.

— Fine! I spent a lot of time in NY last winter, and I like

Broadway shows very much! What movie did you take part, or maybe musical? — восхитился Филипп.

— Он говорит, что прошлую зиму часто был в Нью-Йорке и что он очень любит бродвейские постановки. Он спрашивает, в каком спектакле вы играли или, может, это был мюзикл?

— Пошел он в баню! — возмутилась платиноволосая. — Какое ему дело? Скажи, что это был спектакль для богатых. Для бо-га-тых. Он на такие не ходит.

Вика дернула подругу за руку.

— Заткнись, Ленка, — проговорила она с ангельской улыбкой. От этой улыбки Филипп внутренне содрогнулся. — Ты мне обещала. Он, конечно, ни черта не понимает, но тон есть тон. Сбавь обороты. Ты хочешь в Париж или не хочешь?

— С этим? — Сара Бернар смерила Филиппа взглядом. — У тебя что, крыша съехала?

— Да какая тебе разница, с этим или с другим? Паспорт-то у него вполне французский...

Филипп, не в силах сохранять на лице выражение приятной заинтересованности, торопливо затаился и фыркнул. Александра с оглушительным, как ей казалось, грохотом стала выбираться из своего угла. Платиноволосая посмотрела на нее с высокомерной жалостью: сама она была ровно вдвое тоньше и изящней.

— Стой, — вдруг сообразила Вика, — не уходи. Я переводить совсем не могу, а Ленка только fuck you знает — ты же понимаешь, что это такое. Так что давай, Шурок, поработай. Ленка, спроси его о чем-нибудь. Ну соображай, соображай!..

За их спинами в глубине квартиры раздался взрыв смеха, и платиноволосая с сожалением оглянулась.

Это было уже слишком.

— Извините, я должен поговорить с мистером Королевым, — быстро проговорил по-английски Филипп и, повернувшись к Александре, добавил (также по-англий-

ски): — До скорой встречи, Алекс. — Сказав все это и коротко поклонившись, он удалился с балкона.

— Чего-чего?.. — переспросила Вика. — К Королеву ему надо? Подумать только, какая срочность!

«Хорошо, что он вообще с балкона не бросился, — мрачно подумала Александра. — А мог бы».

— И давно он называет тебя Алекс? — Вика вовсе не была душой, и поспешный уход Филиппа ей не понравился — что-то тут было не так.

— Да не называет он меня Алекс, — с досадой ответила Александра. — Он вышел покурить, а я тут... уже курила. Ну вот и разговорились...

Почему-то Вика всегда заставляла ее оправдываться.

— Вик, ну хватит, а? — заныла истомившаяся по большой компании бродвейская знаменитость. — Можно я пойду? Или мне нужно при тебе весь вечер стоять?

— Лучше иди постой при этом французском дяденьке и Вальке Королеве. А потом пригласи его потанцевать, — настойчиво посоветовала Вика. — А лучше всего — в койку. И не выпускай, пока он тебе предложение не сделает.

Освобожденная из-под опеки платиноволосая радостно прогарцевала в квартиру, напоследок посоветовав Александре:

— Худеть нужно, девушка!

Вика засмеялась:

— Ленка всегда в своем репертуаре. Считает, если она красавица, то все остальные должны быть на нее похожи. Но говорят же — чем больше хорошего человека, тем лучше... Мужики всяких любят, верно, Шура? Я, правда, таких не встречала, но ведь Победоносцев-то пал жертвой... Сколько вы уже женаты? Год? Два?

— Полтора, — мрачно отозвалась Александра.

Под благодатным дождичком Викиных высказываний все ее комплексы ожили и выползли наружу. Сегод-

ня ей уже обратно их не загнать. Скорее бы Андрей приехал!

— Ленку нужно пристроить, — доверительно сообщила Вика и вытащила у Александры из пачки сигарету. — Так невозможно жить, как она живет. В Москве — никого, ни родных, ни близких. Любовник, старый хрен, того и гляди бросит — уже давно на сторону поглядывает. А Ленка устраиваться никуда не хочет. Да без прописки особенно и не устроишься. Я ее попыталась секретаршей к нам пропихнуть, а Сорокин говорит — неси паспорт. Ему налоги на иногородних тоже нет резона платить. А у Ленки идея-фикс, хочет в шоу-бизнес или в модели...

Александре совершенно неинтересны были Ленкины злоключения, но она зачем-то слушала, как всегда, не смея уйти или прервать всемогущую Вику.

— Да еще машину разбила, — продолжала та, — а старый хрен пока ничего не знает. Узнает — вот будет история с географией... Хорошо бы ее замуж выдать, хоть за Филиппа этого. Он и впрямь не так чтобы очень, но гражданство, гражданство...

В комнате начались танцы. Изрядно набравшийся Вовик Бородин, молоденький мальчик из политической редакции, в приступе танцевального усердия налетел на стол. Зазвенела посуда, завизжали девицы.

— Пойду, — озабоченно сказала Вика и потушила сигарету. — А то еще кто-нибудь в салате уснет. Пошли, Шурка.

Александра поплелась за ней. Ноги ее уже не держали, настроение было испорчено окончательно. Андрей опаздывал просто по-свински, опять ужасно захотелось есть, да еще эта девица растревожила всегдашнюю рану.

Александра и сама знала, что не слишком изящна, но что с этим можно сделать? Худеть у нее не получалось. Работала она по двадцать часов в сутки, иногда по ночам, а ночью, как известно, всегда почему-то хочется

есть. Не тратить же нервы и силы еще и на голодание! Ну не получается у нее — и все тут! Хватит ей постоянной и ежесекундной телевизионной невротрепки со сменой начальства, сокращениями, увольнениями, появлением новых фаворитов и изгнанием старых! К тому же ко всем новым любимчикам следовало искать — и находить! — новый подход, а со старыми сохранять добрые отношения: кто знает, в один прекрасный день они могут быть с почетом возвращены на прежнее место, и тогда позволившие себе лишнее в момент временного унижения горько об этом пожалеют.

Где уж тут худеть...

Да и бабушка всегда говорила: «В нас ты пошла, Александра, в Потаповых. Все такие были: и моя мать с отцом, и тетки, и дядья, и ты такая же». Прикрываясь, как щитом, этими бабушкиными словами — что поделаешь? Судьба! — Александра малодушно позволяла себе плыть по течению.

И за это свое малодушие она себя ненавидела.

Свет в квартире погасили, остались только замысловатые светильники, привезенные Викиным отцом из каких-то дальних странствий. Разоренный стол сдвинули к стене, возле него бесшумно суетилась Люда, Викина домработница, собирая тарелки, стаканы и окурки.

Андрей все не ехал.

Платиноволосая сирота, нисколько не опечаленная собственным неустройством, плыла в объятиях какого-то типа, кажется из редакции «Московских новостей». Странно, почему Вика не заставила ее пригласить французца?

— Я думал, что вы уехали, — проговорил Филипп прямо ей в ухо, как будто материализуясь из ее мыслей, — и даже грустил, что не успел сказать вам «до свидания».

— Муж опаздывает, — пояснила Александра, поворачиваясь в сторону темного силуэта, маячившего на фоне

освещенной двери. — Обещал меня забрать и что-то не едет.

Почему-то ей было приятно говорить ему о том, что у нее имеется муж. Ей казалось, что это сообщение непременно удивит его. Но, похоже, он проглотил факт присутствия в ее жизни мужа, даже не заметив его. Так, по крайней мере, показалось Александре.

— Могу я пригласить вас потанцевать? — спросил Филипп.

— Потанцевать?! — изумилась Александра.

Ну ладно, разговаривать с мужчиной, который ниже тебя ростом, — еще куда ни шло, но танцевать с ним... Полный идиотизм!

— Я сказал что-то не то? — спросил Филипп, заметив ее реакцию. — Или Россия перешла теперь в мусульманство и танцевать с замужними женщинами запрещает Коран?

— Я не знаю, что там запрещает Коран, — начала Александра довольно громко, но тут же понизила голос, увидев, что Вика поглядывает в их сторону, — но я не могу танцевать с человеком, который... которому я... который мне...

— ...который вам не нравится, — закончил Филипп и, обняв ее за талию, слегка подтолкнул к середине комнаты.

— ...который ниже меня ростом, — прошипела смущенная Александра. — Над нами будут смеяться, слышите, Филипп?

— Никто не будет над нами смеяться, — успокаивающе заметил он, покачивая ее в ритме музыки.

Держать эту странную особу в объятиях, совсем близко от себя, было приятно. Появилось какое-то забытое чувство новизны и ожидания чего-то значительного, возможно, самого главного. Он уже давно забыл это светлое ощущение, точнее, радостное предчувствие чуда. А может, никогда его и не знал?

Хорошо, что ему попала на глаза эта девушка с бутербродом, нежно прижатым к груди. Иначе бы он весь вечер злился на себя, что теряет время, или, в лучшем случае, выслушивал бы дифирамбы хозяйки дома, воспевающей артистический талант ее подруги.

Поначалу Александра упиралась, как осел на горной дороге, но Филипп, как ни странно, оказался сильнее.

— Если хотите помериться со мной силой, пойдемте лучше в другую комнату, — негромко посоветовал он. — Если мы свалимся, это и вправду будет смешно. Хотите попробовать?

— Нет, — буркнула Александра, покоряясь судьбе, — не хочу. Но это шантаж.

— Согласен, — кивнул Филипп. — А что прикажете делать? Ждать, когда на меня бросится малышка Элен, решив, что мой паспорт ей вполне подходит?

Втайне удовлетворенная тем, что француз не клюнул на платиновые волосы и обтянутую черной кожей попку в виде сердечка, а вот — поди ж ты! — танцует с ней, Александра заметила рассудительно:

— Они не знали, что вы понимаете по-русски.

— Но я понимаю по-русски, и мне даже не хочется думать, что было бы, узнай они об этом.

Александра осторожно двигалась в танце, стараясь по случайности не отдавить ему ноги. У него были широкие плечи и поджарое, жилистое тело. И пахло от него очень хорошо, каким-то дорогушим парфюмом.

Приятный мужик — с юмором, сдержанный и симпатичный, хотя сразу его и не разглядишь. Надо будет познакомить его с Андреем, и можно дружить. Вика удавится от злости.

Улыбнувшись, Александра кинула взгляд в сторону Вики и обнаружила Андрея. Он стоял в дверях, высоченный и красивый, ее драгоценный, любимый, талантливый муж.

— Прощу прощения, — быстро сказала она Филип-